

Этимологизирование имён собственных в сакральном тексте как творческий приём

Турцова Евгения Дмитриевна

студентка

Казанский государственный университет, Казань, Россия

email: eugenos.ksu@mail.ru

Интерес к этимологизированию слов, в частности имён собственных известен с древних времён. Пытаясь проникнуть в суть наименования, имени представителя разных культур преследовали разные цели, использовали различные методы этимологических изысканий и, соответственно, приходили к результату, более или менее отражающему это искомое «истинное» значение.

В данной работе на примере Путятиной минеи (XI в.), древнейшего сохранившегося славянского перевода минеи на май, мы рассмотрим, как осмыслились имена собственные в жанре служебной минеи. Спецификой жанра, который представляет собой собрание внешне не связанных друг с другом канонических, памятей разным святым по дням определяется большое количество в тексте имён собственных. Лицо – центр минейного текста, всё остальное как-то раскрывает, характеризует его, вводит в контекст всей христианской культуры. Одним из наиболее ярких способов подобной характеристики лица является раскрытие и обыгрывание в тексте внутренней формы его имени. Подобное внимание к имени было не случайным. Во многих культурах распространено представление о том, что имя сакрально и должно отражать сущность человека. А если этот человек святой, то есть особенный, отличающийся от других, то тем более его имя должно выражать что-то сакральное и особенное, что выделило бы его среди других людей.

Надо заметить, что попыток этимологизации в Путятиной минее довольно много. Причём это касается не только имён собственных. В тексте широко применяется популярный в средневековых текстах приём *figura etymologica* – скопление на одном отрезке текста большого количества однокоренных образований. Как правило, это ключевые слова христианской культуры, напр.: *свет* 35:10, *начало* 8:16, *жизнь* 43об:16.

Подобное нагнетание слов не только обращает на себя внимание читателя (слушателя), обладает сильным внушающим эффектом, но и организует текст на смысловом, отчасти даже ритмическом уровне. Однако это этимологизирование не ради разъяснения, это скорее просто языковая игра, украшение текста, расстановка акцентов. В случае же с именами собственными это уже не просто обыгрывание корней, значений, а характеристика духовного лица, это осмысление имени святого в контексте его жизни, его поступков, духовных подвигов. При этом в Путятиной минее встречаются различные способы этимологизации, рассмотрим наиболее интересные на наш взгляд случаи.

1. Прямая этимологизация. Это наиболее очевидные случаи этимологизирования. Здесь нередко указывается, что святой «тезоименен» или «сподоблен» какому-то слову или словосочетанию, часто указывается само имя.

2. Этимология по контрасту. Некоторые святые имеют имена, значения которых сложно связать с чем-то духовным. Так, например, имя Есперии, (греч. *εσπέρα* – *вечер*) должно было бы связываться в христианском сознании с чем-то небожественным, весьма негативным. Так, например, в христианской литературе была широко распространена формула *свет невечерний* – *φῶς τὸ ἀνέσπερον* (в нашем случае солнце как синоним света), как правило, употребляемая по отношению к Христу, то есть Христос как духовный свет, отрицает *вечер*, тьму. Таким образом, подчёркивается несовпадение имени Есперии и его обладателя – носителя святости и приверженца *невечернего солнца*.

3. Собственно славянская этимология. В Путятиной минее есть примеры того, как сам переводчик пытался использовать тот же приём. Прочувствовав специфику текста, он пытается средствами церковнославянского языка передать то, что не в силах передать греческий. Рассмотрим это на следующем примере. В греческом тексте только одна переключка с именем – Ирина (греч. *εἰρήνη* – мир, мирная жизнь) – *мирный*. Разумеется, автор греческого текста не мог иметь в виду *κόσμος* как потенциальную ассоциацию к

имени Ирина. В русском же переводе появляется дополнительная ложная этимологическая ассоциация со словом *мир*. Вероятно, уже тогда *мир мирови* – это была устойчивая формула, она довольно часто встречается в тексте Путятиной минеи не только в каноне Ирины. Однако учитывая, что имя Ирина много раз обыгрывается в тексте, например, буквально через несколько строк – (19 об:10) едва ли можно назвать подобную ассоциацию случайной.

4. Утеря этимологии в славянском тексте: В некоторых случаях этимологические переключки при переводе терялись. В греческом обыгрывается имя Пелагея (греч. Πέλαγος – *море, бездна, пучина*). В церковнославянском тексте *пучина* уже никак не соотносится с именем Пелагея, если только не рассчитывать на то, что слушающий имеет какое-то представление о греческом языке. Весь канон пронизан символикой, связанной с морем, водой: *прапруда мимотекущая, течение* и др. Однако если в греческом эта этимологизация очевидна, то в славянском тексте смысл этой символики теряется, так как не понятно значение самого имени Пелагея.

5. «Ложная» этимология в греческом тексте. Нами найден только один случай возможно ложной этимологизации имени – Иеремия. Имя это еврейского происхождения, очень древнее и не имеет однозначного толкования. Тем более для грека оно вряд ли могло быть понятным. Зато имя Иеремия созвучно с греческим *ιερως*, – *святой, священный*. Слово оказалось подходящим для характеристики святого и автор либо сознательно, либо просто интуитивно обыгрывает его в тексте.

6. Этимологизация «несобственно собственного» имени. Интересный случай представляет собой этимологизирование не имени, а своеобразного «эпитета» Симона – *Зилот*. Симон был так прозван предположительно по принадлежности к группе zelотов (ζηλωτής – *ревнитель*), радикально политическому направлению среди иудеев. Однако слово *ревнитель* могло быть понято и в положительном смысле – *ревнитель за Бога, духовность*. Вероятно отчасти по той же причине, что и в случаях с Маврой и Есперием – возможности нежелательных ассоциаций, автор так подробно останавливается на раскрытии и положительной трактовке содержания имени святого.

Таким образом, проникновение в суть имени в служебной минее было не только средством восхваления святого, способом рассказать о его жизни, дать личностную характеристику, но важным приёмом образной и художественной системы всего текста.